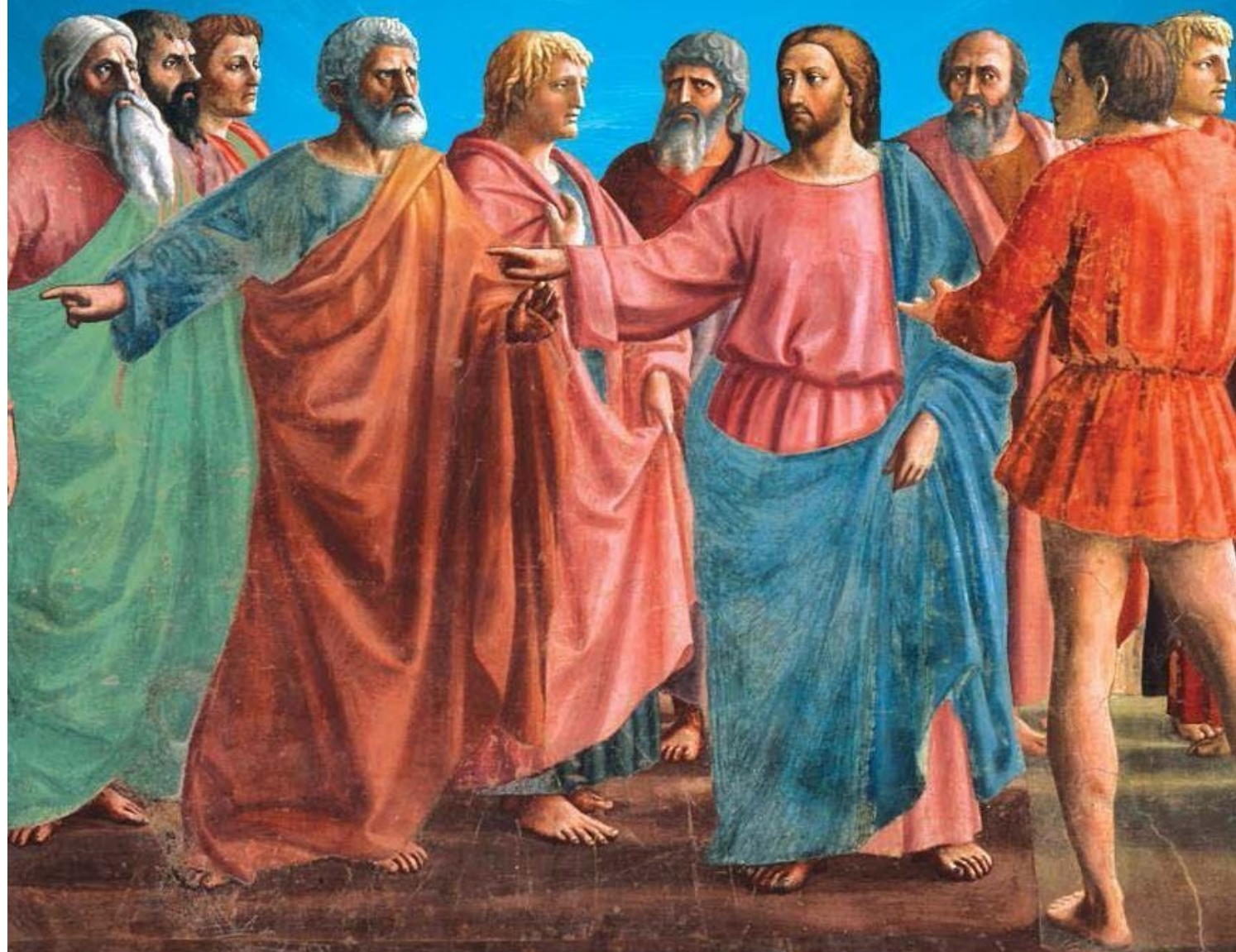

ЛУИДЖИ ДЖУССАНИ
СТЕФАНО АЛЬБЕРТО ХАВЬЕР ПРАДЕС

ПРОЧЕРТИТЬ СЛЕД В ИСТОРИИ МИРА

НОВЫЕ ПУТИ ХРИСТИАНСКОГО ОПЫТА

Луиджи Джуссани

**Прочертить след в истории мира.
Новые пути христианского опыта**

НПКЦ «Духовная библиотека»

2018

Джуссани Л.

Прочертить след в истории мира. Новые пути христианского опыта
/ Л. Джуссани — НПКЦ «Духовная библиотека», 2018

ISBN 978-5-00138-355-0

«Настоящий сборник содержит основные положения тех размышлений о христианском опыте, которым отец Луджи Джуссани предавался в последние годы. Эти тексты, различные по характеру и стилю, расположены и отредактированы авторами так, чтобы создать органичное, написанное в единой манере целое. Книга, таким образом, представляет собой важный, завершающий этап проделанного пути и, в то же время, дает читателю возможность узнать и глубже понять содержание и особенности христианского предложения, обращенного к человеку нашего времени...»

ISBN 978-5-00138-355-0

© Джуссани Л., 2018

© НПКЦ «Духовная библиотека», 2018

Содержание

К читателю	6
Введение	7
Глава первая	10
1. Андрей и Иоанн	10
Исключительность и глубокая человеческая привязанность	12
2. Метод Бога	14
Событие, а не наши мысли	14
Для спасения человека	14
3. Что такое событие	16
4. Трудность понимания. Исходная позиция не сохраняется	18
5. Религиозное чувство и вера	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Луиджи Джуссани, Стефано
Альберто, Хавьер Прадес**
**Прочертить след в истории мира.
Новые пути христианского опыта**

Luigi Giussani, Stefano Alberto, Javier Prades

Generare tracce nella storia del mondo

© Fraternità di Comunione e Liberazione, перевод, 2019

© Культурный центр «Духовная библиотека», русское издание, 2019

© Издательство «Новое Небо», оформление, 2019

К читателю

Настоящий сборник содержит основные положения тех размышлений о христианском опыте, которым отец Луджи Джуссани предавался в последние годы.

Эти тексты, различные по характеру и стилю, расположены и отредактированы авторами так, чтобы создать органичное, написанное в единой манере целое.

Книга, таким образом, представляет собой важный, завершающий этап проделанного пути и, в то же время, дает читателю возможность узнать и глубже понять содержание и особенности христианского предложения, обращенного к человеку нашего времени.

Введение

«В простоте сердца моего я с радостью отдал Тебе все»¹

Попытаюсь рассказать, как возникло во мне то расположение души – Бог, наверно, благословил, раз Он его пожелал, – какого я не мог ни предвидеть, ни захотеть.

1. «Что́ есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?»². Ни один вопрос в жизни не поразил меня так, как этот. Был только один Человек в мире, который мог мне ответить, задав новый вопрос: «Какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?»³.

Ни один вопрос не потряс меня так – просто перехватило дыхание – как этот вопрос Христа!

Ни одна женщина не слышала иного голоса, который говорил бы о ее сыне с такой неподдельной нежностью и безусловным уважением к плоду чрева ее, с такой абсолютно позитивной оценкой его судьбы – только голос еврея Иисуса из Назарета. Но, более того, ни один человек не мог слышать утверждения его самого как абсолютной ценности, вне зависимости от его успехов. Никто в мире не мог говорить так!

Только Христос принимает к сердцу всю мою человеческую сущность. Этому изумлялся Дионисий Ареопагит (V в.): «Кто может сказать о человеколюбии Христа миротворящего?»⁴. Я повторяю эти слова вот уже более пятидесяти лет!

Поэтому энциклика «Искупитель человека» появилась на нашем горизонте как вспышка света в полном мраке, окутавшем темную землю современного человека со всеми его смутными вопросами.

Благодарим, Ваше Святейшество.

Это простота сердца заставила меня почувствовать и признать исключительность Христа с той непосредственной уверенностью, которая приходит при неоспоримой и несокрушимой очевидности обстоятельств и моментов действительности, которые, возникая в поле зрения нашей личности, принимают в самое сердце.

Признание того, что́ же такое есть Христос в нашей жизни, пронизывает тогда наше мироощущение: «Я есмь путь и истина и жизнь»⁵.

«Domine Deus, in simplicitate cordis mei laetus obtuli universa»⁶ («Господи Боже мой, в простоте сердца моего я с радостью отдал Тебе все»), – говорится в молитве амвросианской Литургии. Истинность подобного признания доказывается тем, что жизнь, тем самым, обретает окончательную, упорную способность радоваться.

2. Как эта радость, которая есть человеческая слава Христа и которая в определенные моменты переполняет мое сердце и мой голос, может показаться истинной и разумной современному человеку?

Причина тут в том, что этот Человек, еврей Иисус из Назарета, умер за нас и воскрес. Этот восставший из мертвых Человек есть Реальность, от которой зависит вся положительность существования каждого человека.

¹ Выступление отца Луиджи Джуссани во время встречи Святого Отца Иоанна Павла II с церковными движениями и новыми общинами. Площадь Святого Петра, Рим, 30 мая 1998 г.

² Пс 8, 5.

³ Мф 16, 26; ср. Мк 8, 36 и далее; Лк 9, 25–26.

⁴ Дионисий Ареопагит, «Божественные имена», 953 А 10 (ср.: Мистическое богословие, Киев, 1991, с.87).

⁵ Ин 14, 6.

⁶ Молитва из Оффертория старинной литургии праздника Пресвятого Сердца Иисусова, в: *Messale Ambrosiano. Dalla Pasqua all'Avvento*, Milano 1942, стр.225.

Всякий земной опыт, пережитый в Духе Иисуса, Воскресшего из мертвых, цветет в Вечности. Этот цветок распускается не только к концу времен; он уже набухает в предрассветных сумерках Пасхи. Пасха – начало пути к вечной Истине всего, того пути, который уже существует в истории человека.

Христос как воплощенное Слово Божие действительно присутствует в качестве Воскресшего во всех временах, на протяжении всей истории, проходит от утра Пасхи до конца сего времени, сего мира.

Дух Иисуса, то есть Слова, сделавшегося плотью, становится доступен опыту обычного человека в Его искупительной силе, действующей для всего существования отдельной личности и человеческой истории, в глубинном изменении, которое производит в тех, кто встречается с Ним и, подобно Иоанну и Андрею, за Ним следует.

Поэтому для меня благодать Иисусова, в той мере, в какой я смог воспринять встречу с Ним и передать Его братьям по Церкви Божией, стала опытом веры, который в Святой Церкви, то есть в народе христианском, открывается как призыв и воля возвращать новый Израиль Божий: «*Populum Tuum vidi, cum ingenti gaudio, Tibi offerre donaria*» («Увидел, как народ Твой, с величайшей радостью, приносит жизнь свою в дар Тебе»), – продолжает литургическая молитва⁷.

Я видел, как затем образовался народ во имя Христа. Все во мне стало поистине более религиозным, и, наконец, пришло осознание того, что Бог есть «все во всем»⁸. В этом народе радость стала «*ingenti gaudio*», величайшей радостью, то есть решающим фактором собственной истории как окончательной положительности и, следовательно, как радости.

То, что могло показаться в лучшем случае частным опытом, стало главным действующим лицом в истории, а поэтому – орудием миссии единственного Народа Божия.

Это закладывает основу для поисков нашего очевидного единства.

3. Чудесный текст амвросианской Литургии заключает: «*Domine Deus, custodi hanc voluntatem cordis eorum*»⁹ («Господи Боже, храни сие расположение их сердец»).

Неверность всегда восстает в нашем сердце даже перед лицом вещей самых прекрасных и самых истинных; в этом человек может изменить человечности Бога и изначальной простоте человека, по слабости и светским предрассудкам, подобно Иуде и Петру. Но личный опыт неизменно случающейся неверности, открывая несовершенство всякого человеческого поступка, требует постоянно помнить о Христе.

Отчаянному возгласу пастора Бранда из одноименной драмы Ибсена («Ответь мне, Боже, в час, когда смерть готова меня поглотить: неужто всей человеческой воли недостаточно, чтобы получить частичку спасения?») отвечает смиренное утверждение святой Терезы Младенца Иисуса, писавшей: «Когда я милосердна, один лишь Иисус действует во мне»¹⁰.

Все это означает, что свобода человека, всегда подразумеваемая Тайной, своим высшим, безусловным выражением имеет *молитву*. Поэтому свобода, по самой своей истинной природе, полагается как просьба о воссоединении с Бытием, то есть со Христом. Даже в бессилии, даже в великой слабости человека его любви ко Христу предназначено длиться.

В этом смысле Христос, Свет и Сила для каждого, кто следует за ним, есть точное отражение того слова, с которым Тайна является в своих отношениях с тварью как *милосердие*: *Dives in Misericordia*, исполненный милосердия. Тайна милосердия разбивает любое человеческое представление о покое или об отчаянии; и чувство прощения – тоже внутри этой тайны Христа.

⁷ См. прим. 5.

⁸ 1 Кор 15, 28.

⁹ *Messale Ambrosiano...*, то же издание.

¹⁰ Св. Тереза Младенца Иисуса, *Повесть об одной душе, Автобиографические рукописи*, Bibliothèque slave de Paris, 1997.

Этому последнему объятию Тайны человек – даже самый далекий и самый извращенный, самый темный и мрачный – не может противопоставить ничего, никакого возражения; он может бежать от него, но тем самым он убегает от себя самого и своего блага. Тайна как милосердие является также последним словом перед лицом всех жестоких превратностей истории.

Поэтому жизнь своим высшим идеалом имеет *нищенствование*. Подлинным главным героем истории является просящий: Христос, просящий сердца человека, и сердце человека, просящее Христа.

Луиджи Джуссани

Глава первая

Событие христианства как встреча

1. Андрей и Иоанн

Христианство – это весть о том, что Бог стал человеком, родившимся от женщины, в определенном месте и в определенное время. Тайна, лежащая в основе всего сущего, пожелала открыться человеку.¹¹ Это Событие, случившееся в истории – вторжение исключительного человеческого Присутствия в пространство и время. Бог дал Себя познать, обнаружив Себя, проявив инициативу, явившись как обстоятельство человеческого опыта в решающий для жизни мира момент.

«Через сорок дней поста и созерцания Он вернулся на место Крещения. Он знал заранее, какая предстоит встреча: „Агнец Божий!“, – сказал пророк, завидя Его (конечно, вполголоса...). На сей раз с ним было двое учеников его. Они взглянули на Иисуса, и этого взгляда было достаточно, чтобы они пошли за Ним туда, где Он жил. Один из этих двоих был Андрей, брат Симона; другой – Иоанн, сын Зеведеев: „Иисус, увидев, полюбил его...“. Здесь подразумевается то, что написано о богатом юноше, которому пришлось отойти с печалью. Что сделал Иисус, чтобы удержать их? „Увидев их идущих, говорит им: что вам надобно? Они сказали Ему: Равви, где живешь? Говорит им: пойдите и увидите. Они пошли и увидели, где Он живет; и пробыли у него день тот. Было около десятого часа“»¹².

Так Франсуа Мориак в своей «Жизни Иисуса» воспроизводит первое появление этого Присутствия как «проблему», которая решительно сотрясает историю.

Первая глава Евангелия от Иоанна – первая книжная страница, которая об этом говорит. Кроме прямой вести – «Слово стало плотью»¹³, Сотворивший все сделался человеком, – она содержит и воспоминание о тех двух, что первыми последовали за Ним. Один из них спустя годы записал впечатления и подробности того первого момента, когда событие произошло. Он читает в своей памяти сохранившиеся заметки.¹⁴ Вся глава из Евангелия от Иоанна, после Пролога (стихи 1-18), – это череда фраз, представляющих собой именно памятные заметки. Ведь память устроена не по закону непрерывной длительности, как, к примеру, творения фантазии; память буквально «делает заметки»: зацепка, черточка, точка, так что каждая фраза заключает в себе множество вещей, а следующая отталкивается от множества вещей, подразумеваемых предыдущей. Эти вещи, действительно, скорее подразумеваются, чем проговариваются, и лишь некоторые из них высказаны напрямую, как ориентиры.

«На другой день опять стоял Иоанн и двое из учеников его. И, увидев идущего Иисуса, сказал...»¹⁵. Представим себе эту сцену. После полутора веков ожидания у еврейского народа, который всегда, на протяжении всей своей тысячелетней истории, имел пророков, наконец-то появился новый пророк: Иоанн Креститель. Об этом говорят и другие древние тексты, это

¹¹ Ср. L. Giussani, *Il valore di alcune parole che segnano cristiano*, in «L'Osservatore Romano», 6 aprile 1996, стр.4.

¹² E Mauriac, *Vita di Gesù*, Oscar Mondadori, Milano 1974, стр. 29.

¹³ Ин 1, 14.

¹⁴ Ср. L. Giussani, *Il tempo e il tempio. Dioe l'uomo*, BUR, Milano 1995, стр. 43–46; а также Л. Джуссани, *У истоков христианского притязания*, «Христианская Россия», Москва 2010 стр. 57–58.

¹⁵ Ин 1, 35, 36.

засвидетельствовано исторически. Итак, наконец-то пришел Иоанн, названный «крестителем». Он жил так, что весь народ был этим поражен, и все, от фарисея до последнего крестьянина, покидали свои дома и отправлялись его послушать хоть один раз. Все – богатые и бедные, мытари и фарисеи, друзья и противники, из Галилеи и из Иудеи – шли послушать его¹⁶ и посмотреть, как он живет за Иорданом, в пустыне, питаясь акридами и диким медом. При Иоанне всегда был кружок людей. Из этих людей *в тот день* двое оказались там в первый раз. Они пришли с озера, которое было довольно далеко, вне области развитых городов. Это были два рыбака из Галилеи. Они там себя чувствовали неуютно, как двое крестьян, попавших в город, глазели на все вокруг и, прежде всего, на него широко раскрытыми глазами и с разинутым ртом и жадно его слушали. Вдруг один из этой группы, молодой человек, также пришедший послушать пророка, отделяется от остальных и идет по тропинке над рекой на север. И Иоанн Креститель, взглянув на него, немедля воскликнул: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира!»¹⁷. Люди не двинулись с места: они привыкли к тому, что пророк то и дело бросает какие-то странные, непонятные фразы, без связи, ни к чему не относящиеся, и поэтому большая часть присутствовавших не обратила на эти слова внимания. Но эти двое, бывшие там в первый раз, которые не спускали глаз с его губ и следили за его взглядом, заметили, что, произнося эти слова, он всматривался в того уходящего человека, и вот они пошли за ним. Они следовали за ним, из робости и смущения держась на расстоянии, но странно, глубоко, непостижимо и многозначительно охваченные любопытством. «Услышав от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом. Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: что вам надобно? Они сказали Ему: Равви, – что значит: учитель, – где живешь? Говорит им: „Пойдите и увидите.“»¹⁸ «Пойди и увидишь» – это и есть формула христианства, метод христианства. «Они пошли и увидели, где Он живет; и пробыли у него день тот. Было около десятого часа.»¹⁹

Других подробностей повествование не дает; вся глава, а также последующая, как уже говорилось, изложена пунктиром; фразы кончаются на том месте, которое словно оставляет за скобками множество уже известных вещей. Здесь обозначен час – десятый, – но не сказано ни когда они пришли, ни когда ушли. Дальше говорится: «Один из двух, слышавших от Иоанна эти слова, был Андрей, брат Симона Петра. Он первым встречает брата своего Симона», который вернулся с озера, после того как ловил рыбу или расставлял сети, «и говорит ему: мы нашли Мессию».²⁰ Ничего не добавляется, ничего не называется, ничего не доказывается; это все знают, это вещи всем известные! Немногие страницы читаются так, как эти; они так реалистично и просто достоверны, в них ни слова не прибавлено к сути дела, запечатленной в памяти.

Как Андрей сказал брату: «Мы нашли Мессию»? Должно быть, Иисус, говоря с ними, произнес это слово, которое, впрочем, уже было в их лексиконе; иначе было бы невозможно это сказать, так вдруг заявить, что это был Мессия. Очевидно, после того как они пробыли там несколько часов, послушали этого человека, видели его говорящим (кто был тот, что так говорил? кто другой мог так говорить? кто другой мог сказать такие вещи? такого человека никогда не слыхали и не видали!), в их душах постепенно укреплялось отчетливое чувство: «Если не поверю этому человеку, не поверю больше никому, даже глазам своим». Они этого не сказали, быть может, даже не подумали, но, несомненно, это почувствовали. Итак, этот человек утверждал, среди прочего, что он – Мессия, Тот, Кто должен прийти. Но при всей

¹⁶ Ср. Мф 3, 1–6; Мк 1, 4–8; Лк 3, 7–18.

¹⁷ Ин 1, 29.

¹⁸ Ин 1, 37–39.

¹⁹ Ин 1, 39.

²⁰ Ин 1, 40, 41.

исключительности такого заявления Он был так естественен, что они восприняли это как вещь самую простую, легкую для понимания. Это и была простая вещь!

«И (Андрей) привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень (Петр)»²¹. У евреев был обычай менять имена – для того, чтобы указать на какую-то черту, либо из-за какого-то события, случившегося с человеком. На минуту представим себе Симона, исполненного любопытства и немного робящего, идущего вместе с братом и глядящего прямо на человека, к которому его привели. Тот смотрит на него издали. Подумаем, как смотрел на него Иисус – взглядом, проникающим до мозга костей, подумаем, как понял Он его душу: «Ты наречешься Камень». Что он должен был испытывать, когда другой, совершенно незнакомый ему человек, так глядел на него и касался самой глубины его сердца?

«На другой день Иисус восхотел идти в Галилею...»²²

Вся эта страница выстроена из таких кратких заметок и упоминаний, в которых случившееся словно прочерчено пунктиром и полагается самоочевидным и всем известным.

Исключительность и глубокая человеческая привязанность

Но каким образом первые двое, Иоанн и Андрей (Андрей мог быть женат и иметь детей), были так внезапно покорены и признали Его («Мы нашли Мессию»)? Тут есть кажущаяся диспропорция между величайшей простотой случившегося и уверенностью тех двоих. Если такое событие произошло, значит, признать этого человека, понять, что это за человек – не до конца и в подробностях, но по сути – единственной и несравненной («божественной») – было легко. Почему было легко Его признать? Благодаря Его беспримерной *исключительности*. Они видели беспримерную исключительность своими глазами; они соприкоснулись с человеком исключительным, совершенно особенным, не поддающимся никаким оценкам.

Что значит «исключительный»? В каких случаях можно назвать нечто «исключительным»? Когда оно отвечает изначальным ожиданиям души, сколь бы смутным и размытым ни было осознание этого. Исключительность – это, парадоксальным образом, проявление того, что для нас наиболее «естественно». А что для нас «естественно»? Чтобы явилось то, чего мы желаем. Ведь нет ничего более естественного, чем исполнение главного и глубочайшего желания нашего сердца, ответа на потребности, лежащие в основе нашего существа, ради которых мы живем и двигаемся. В нашем сердце живет конечная, настоятельная, глубокая потребность в завершенности, в истине, в красоте, в доброте, в любви, в окончательной уверенности, в счастье; поэтому получение ответа на эти требования должно было бы стать вещью самой очевидной и нормальной. Наоборот, подобное соответствие, которое должно быть наивысшей нормой, становится для нас наивысшей исключительностью. Поэтому встреча с чем-то абсолютно и глубоко естественным, то есть отвечающим требованиям сердца, заложенным в него природой, есть вещь совершенно исключительная. Тут какое-то странное противоречие: то, что обычно случается, никогда не бывает по-настоящему исключительным, ибо не может адекватно ответить на требования сердца.

Что позволило с такой легкостью признать Христа? Исключительность Его появления. Для Иоанна и Андрея этот человек непостижимым образом отвечал неодолимым и безусловным потребностям их сердец. Не было никого, подобного этому человеку: во встрече с ним сердцу был дан невообразимый, небывалый ответ. Какое непередаваемое изумление должно было охватить тех двоих, кто первым Его узнал, а затем и Симона, Филиппа, Нафанаила!

²¹ Ин 1, 42.

²² Ин 1, 43.

Его было не только легко признать; рядом с Ним было необычайно легко жить. Достаточно было поддаться привязанности, которая рождалась к Нему, *глубокой привязанности*, подобной той поразительной, плотской привязанности, что соединяет ребенка с матерью, привязанности в самом прямом смысле слова. Ребенок может тысячу раз на дню послушаться матери, но плачет, если его с ней разлучить! Если бы он мог понять вопрос: «Ты любишь эту женщину?» и ответить на него, только представьте себе, как он закричал бы: «Да!». Чем больше бы он ошибался, тем громче бы он кричал «Да, я ее люблю», чтобы это подтвердить. Такова логика познания и морали, которую жизнь рядом с этим человеком делала неизбежной: глубокая привязанность. Познание Его исключительности и было выражением глубочайшей привязанности.

2. Метод Бога

Событие, а не наши мысли

Первая глава Евангелия от Иоанна рассказывает, каким простейшим и глубинным способом христианство явилось в истории: как человеческое событие, как встреча с исключительным присутствием. Для Андрея и Иоанна христианство, вернее, свершение Закона, исполнение древнего обетования, ожиданием которого жили лучшие из народа еврейского (такие, как пророчица Анна²³, старец Симеон²⁴, пастухи²⁵, описанные в первых главах Евангелия от Луки), Мессия, Тот, который должен был прийти и которого ждал народ – это был человек у них перед глазами. Они нашли Его, последовали за Ним, вошли в Его дом и оставались с Ним весь тот день; они были поражены, разглядывали и слушали Его с разинутым ртом. И когда, вернувшись, они сказали: «Мы нашли Мессию», то точно повторяли те слова, которые услышали от Него. Исполнением великого библейского повествования был человек у них перед глазами. Нет в словаре такого слова, которое бы лучше, чем «событие», обозначало тот способ, каким «вопрос» осуществился в реальности, во плоти, во времени. Христианство – это «событие»: нечто такое, чего раньше не было и что в определенный момент появилось. Андрей и Иоанн не сказали: «То, что произошло с нами – событие». Очевидно, им не было необходимости давать определение тому, что с ними происходило: это просто происходило!

Христианство – это событие. Нет другого слова, чтобы описать его природу: это не «закон», не «идеология», «концепция» или «проект». Христианство – не религиозное учение, не свод моральных законов, не совокупность обрядов. Христианство есть факт, событие: все остальное из этого вытекает.

Итак, слово «событие» – определяющее. Оно обозначает метод, избранный и использованный Богом для спасения человека²⁶: Бог сделался человеком в лоне пятнадцати или семнадцатилетней девочки по имени Мария, в «утробе, несшей надежду мира»²⁷, как сказал Данте. Тот способ, которым Бог вступил в отношения с нами, чтобы нас спасти, – это *событие*, а не мысль или религиозное чувство²⁸. Это происшествие, случившееся в истории, которое открывает, кто такой Бог, и показывает, чего Бог хочет от человека, что человек должен делать в отношениях с Богом. Бог мог бы выбрать в качестве пути для общения с людьми прямое внушение, так, чтобы каждый должен был бы следовать тому, что Бог имел в виду, в своих мыслях и в своем сердце. Это путь отнюдь не более легкий и верный, он всегда зависит от колебаний наших чувств и мыслей. Но тот способ, который Бог избрал для нашего спасения – это событие, а не наши мысли²⁹.

Для спасения человека

Христианство – это событие, в котором человеческое «я» встречается с самим собой и обнаруживает, что «причастно его естеству»³⁰, это происшествие, которое открывает наше «я»

²³ Ср. Лк 2, 36–38.

²⁴ Ср. Лк 2, 25–35.

²⁵ Ср. Лк 2, 8–20.

²⁶ Ср. Л. Джуссани, *У истоков христианского притяжения*, «Христианская Россия», Москва 2010 стр.137–142.

²⁷ Данте Алигьери, «Рай», Песнь XXIII, сс. 104, 105.

²⁸ Ср. Л. Джуссани, *У истоков христианского притяжения*, «Христианская Россия», Москва, 2010, стр. 37–47.

²⁹ Ср. Ис 48, 6, 7.

³⁰ Ср. 2 Пет 1,4.

самому себе. «Встретив Христа, я открыл человека»³¹, – говорил римский ритор Марий Викторин. «Спасение» человека означает, что человек узнает, кто он такой, узнает свою судьбу и какие надо делать к ней шаги. И, как пишет Альбер Камю, «человек становится велик не благодаря таким рассуждениям. Величие приходит, если Богу угодно, как прекрасный день»³². Это событие – вторжение нового – кладет начало процессу, в котором «я» начинает осознавать себя, замечать судьбу, к которой движется, путь, который проделывает, права, которые имеет, обязанности, которые надо исполнять, начинает осознавать весь свой облик. Впрочем, динамика события определяет способ познания в каждом его новом шаге³³. Без «события» ничто новое не познается, то есть ни один новый элемент не входит в наше сознание. Французский критик Ален Финкелькрат в интервью, посвященном актуальности фигуры Пеги для наших дней, утверждает: «Событие – это нечто, вторгающееся извне. Нечто непредвиденное. Это *наивысший метод познания*. Нужно вернуть событию его онтологическое качество *нового начала*. Это вторжение нового, которое разрушает путы обстоятельств, которое дает толчок движению»³⁴.

Познавать – значит сталкиваться с чем-то новым, с чем-то, находящимся вне тебя, не тобой выстроенным, с чем-то, что разрушает уже сложившийся ход вещей, уже заданные понятия. Это то, о чем сказал Чезаре Павезе: «Чтобы изменить направление, нужно вмешательство извне»³⁵.

Следовательно, событие играет решающую роль в любом «открытии», в любом типе познания.

Итак, этот Факт, событие этого исключительного человеческого присутствия предстает как метод, избранный Богом, чтобы открыть человека самому себе, подтолкнуть его к окончательной ясности по отношению к тем факторам, которые составляют его личность, открыть его к познанию собственной судьбы и поддержать на пути к ней, чтобы сделать его в истории настоящим субъектом действия, вносящего смысл в мир. Подобное событие дает толчок процессу, в ходе которого человек полностью осознает самого себя, свой собственный целостный облик, и начинает говорить «я» с достоинством.

Бог стал событием нашей повседневной жизни, чтобы наше «я» ясно познало себя в своих изначальных чертах и нашло свою судьбу, спаслось. Так было с Марией и Иосифом. Так было с Иоанном и Андреем, которые пошли за Иисусом по знаку Иоанна Крестителя. Бог вошел в их жизнь как событие. Всегда ли они об этом помнили или частично забывали, особенно в первые дни и месяцы, но вся их жизнь зависела от этого события: в силу важности события от него нельзя больше вернуться назад. Так было с ними. Так бывает с нами сегодня: событие может означать начало и путь. Событие может означать *образ жизни*. Во всяком случае, это опыт, через который надо пройти. Такой путь требует от человека, потрясенного событием, многих усилий, пока он не поймет истинный смысл того, о чем начал догадываться; это путь взгляда³⁶.

³¹ Ср. «In Epistola ad Ephesios», Liber secundus, in *Mario Vittorini Opera exegetica*, cap. 4, v. 14.

³² A. Camus, *Taccuini*, III (1951–1959), Bompiani, Milano 1992, c. 34

³³ Ср. Три методологические предпосылки (реализм, разумность и влияние нравственности на динамику познания) в: Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, «Христианская Россия», Москва, 2004, стр. 5–38; *Si può (veramente?) vivere così*, BUR, Milano 1996, стр. 58 и далее.

³⁴ A. Finkelkraut, *Tirerò Péguy fuori dal ghetto*, intervista a cura di S. M. Paci, in «30 Giorni», n.6, giugno 1992, стр. 58–61.

³⁵ C. Pavese, *Il mestiere di vivere*, Einaudi, Torino, 1952, стр. 14.

³⁶ Ср. I. de la Potterie, *Guardare per credere*, intervista a cura di A. Socci, in «Il Sabato», n. 46, 14 novembre 1992, стр. 60–65.

3. Что такое событие

Если спасение человека происходит по методу, избранному Богом, как мы видели на примере Андрея и Иоанна, и, если этот метод представляет собой событие, тогда нужно окончательно прояснить это слово. Какова онтология «события»? Какое в нем содержание, какой смысл? Возьмем обычную ситуацию: молодая пара вступила в брак, и через девять месяцев у них рождается ребенок. Можно ли сказать, что произошло событие? Да. Несмотря на то, они его зачали и ждали, очевидно, что ребенок не был «изготовлен» ими; начиная с того, что эти двое встретились, решили быть вместе и пожениться. Так что в этом смысле мы можем сказать, что ребенок – это «случай».

Боэций, опираясь на Аристотеля, определяет случай как эффект, превышающий сумму известных причин. В качестве примера он приводит крестьянина, который, обрабатывая землю, находит зарытый в ней клад³⁷. Крестьянин хотел перекопать свое поле, и последнее, о чем он думал, – это найти клад; такая находка и есть случай, то есть эффект, превышающий сумму известных причин. Предшествовавшие этому причины, известные крестьянину, не «обязательно» вели к находке; поэтому фраза «перекапывая землю, он нашел клад» лишена смысла, ничего не объясняет. Тем не менее, как только клад найден, появляется другой ряд причин: не только обработка земли, но и богач, который был вынужден бежать и зарыл клад. Это другой ряд причин, неизвестный прежде, о котором крестьянин ничего не знал. Поэтому можно сказать, что фраза «перекапывая землю, он нашел клад» бессмысленна с точки зрения ряда известных причин, но совершенно разумна с точки зрения ряда причин, открывшихся позднее. Итак, заключает Боэций, случай можно определить как «непредвиденное происшествие» (*inopinatum eventum*)³⁸.

Слово «случай» связано с глаголом «случаться»; в нем понятие «событие» передается самым обыденным, самым близким к повседневному языку образом. «Случай» обозначает нечто непредвиденное, непредсказуемое, нечто не выводимое из анализа предшествующих обстоятельств. Итак, ближе всех к слову «событие» (полным синонимом которого является слово «происшествие») слово «случай». «Происшествие» связано с «исходить из», «событие» – с «быть с», и оба слова относятся больше к случайности, чем к необходимости, они касаются Тайны.

Творение – тоже событие, первое и основополагающее событие³⁹. Динамика события описывает каждый миг жизни: полевая лилия, которую «Отец Небесный одевает так, как не одевался Соломон», – это событие; падающая птичка, «о чем знает Отец Небесный», – это событие; «волосы, исчисленные на нашей голове», – это событие⁴⁰. И небо, и земля, существующие миллионы лет, – это событие; событие, которое и сегодня еще совершается как нечто новое, поскольку их нельзя исчерпывающим образом объяснить. Догадка о том, что в отношении с каждой вещью присутствует нечто иное, означает, что само это отношение есть событие.⁴¹ И если человек не рассматривает мир как «данное», как событие, истекающее из современного ему действия Бога, дарящего ему мир, то мир утрачивает для него всю силу привлекательности, удивительности и морального смысла, а значит и подсказку присоединиться к порядку и судьбе сущего.

³⁷ Ср. А. М. Severino Boezio, *De consolatione philosophiae*, V, prose 1, 12–19. Ср. Аристотель, «Физика» II, 4–5, и «Никомахова этика» III, 5.

³⁸ Ср. А. М. Severino Boezio, *там же*.

³⁹ Ср. Л. Джуссани, *Религиозное чувство*, «Христианская Россия», Москва 2014, стр. 117–127.

⁴⁰ Ср. Мф 6, 25–34.

⁴¹ Ср. Л. Джуссани, *Зачем церковь*, «Христианская Россия», Москва 2004, стр. 244, 245.

Итак, рождение ребенка – это событие, сотворение мира – это событие; все «вещи» имеют между собой то общее, что человек не может их до конца объяснить, дать им исчерпывающее определение. Поэтому «событие» можно толковать как появление в опыте чего-то такого, что не может быть объяснено во всех своих качествах, что включает в себе точку прорыва к Тайне и сохраняет связь с неведомым, настолько, что, как уже говорилось, мы можем называть это «случаем».

Теперь мы можем определить онтологию события как прозрачность вещей, являющихся в опыте и порожденных Тайной, то есть чем-то, чем мы не можем владеть и обладать. Добавим, что в этом смысле событие по природе своей – новизна. В событии в нашу жизнь входит нечто новое, непредвиденное, не угаданное заранее, не задуманное нами как исполнение некоего замысла, всегда выходящее за рамки предсказуемого; вернее, насколько непредсказуемое до того, как случиться, настолько определенное, видимое, конкретное, осязаемое, постигаемое на опыте, когда уже случилось. Когда событие происходит, оно – то, что существует, присутствует здесь ощутимо, видимо, осязаемо.

В этом смысле тайна Воплощения – это Событие, которое, хотя и непредвиденное, непредсказуемое, невообразимое для человека, оказывается в высшей степени «обычным», то есть отвечающим самым естественным его запросам.

Если мы не поймем слова «событие» и не будем им пользоваться, то не поймем и христианства, которое тем самым немедленно сводится к слову, к работе человека, к результату человеческой деятельности.

Итак, «событие» означает случайное, видимое, ощутимое, поскольку видимое; как рожденное Тайной, как данность, не в научном смысле слова, а в смысле глубинном, изначальном: «данность» как то, что дано. Следовательно, событие – это факт, появляющийся в опыте и открывающий сотворившую его Тайну.

4. Трудность понимания. Исходная позиция не сохраняется

Однако слово «событие» с большим трудом понимается и принимается современной ментальностью, а потому и каждым из нас. Во всем христианском лексиконе нет слова, воспринимаемого столь неохотно (кроме тех, кто чист сердцем и сохранил душу ребенка), как слово «событие». Этим словом мы пытаемся определить как идеальную позицию (Христос есть идеал жизни), так и понятие вероучения (Христос есть содержание всего).⁴² Сложнее всего воспринять, что событие – это то, что пробуждает нас самих к истине нашей жизни, к нашей судьбе, к надежде, к нравственности. Слово «событие» означает «совпадение» между чувственно познаваемой действительностью и Тайной. Событие – это нечто новое, что входит в переживаемый личностью опыт. Поскольку событие «входит» в опыт, оно есть объект познания разума, и поэтому утверждение его – рационально; поскольку оно «ново», то подразумевает, что разум откроется для большего: это – явление Тайны. «Событие» указывает на «совпадение» действительности и Тайны, обычного опыта и Тайны.

Признавать, что действительность проистекает из Тайны, должно бы быть привычным для разума, так как именно в признании действительности такой, как она есть, то есть какой ее пожелал создать Бог (а не сокращенной, плоской, без глубины), находят соответствие потребности «сердца», а возможности разума и любви, которые и составляют нашу суть – до конца реализуются. Ведь разум, по самому своему изначальному устройству, не может работать иначе как признавая, что действительность укоренена в Тайне. Человеческий разум достигает своей вершины, становится истинным разумом, когда признает сущее тем, чем оно является, а сущее есть постольку, поскольку проистекает из Другого. Какая напряженная жизнь обещана тому, кто минута за минутой прослеживает связь всего сущего с источником! Каждую минуту у него устанавливается неразрывная связь с Тайной, и потому ни одна минута не пропадает: этим мы живем, и в этом наше блаженство.

Однако есть рана в сердце, из-за которой в человеке что-то нарушается, и он не может только собственными силами постоянно пребывать в истине, но направляет свое внимание и свои желания на вещи частные и ограниченные. Изначальный замысел, согласно которому сотворен человек, был искажен тем, как произвольно он пользовался своей свободой; таким образом, люди стремятся к частности, которая, будучи отделена от целого, отождествляется с целью жизни. Повседневный опыт состоит в том, что люди склонны отождествлять всю совокупность жизни с чем-то частичным и ограниченным. И выйти за пределы такой частичности – не в нашей власти; никто из нас не может в одиночку хранить истинный взгляд на действительность.⁴³

⁴² Ср. Кол 1, 17.

⁴³ Об искажениях, внесенных современностью, см.: Tu o dell'amicizia. Appunti dalle meditazioni di Luigi Giussani e Stefano Alberto, suppl. a «Litterae Communionis – Tracce», n. 6, Milano 1997, стр. 5 и далее; Il miracolo del cambiamento. Appunti delle meditazioni di Luigi Giussani, suppl. a «Litterae Communionis – Tracce» n. 7, Milano 1998, стр. 14 и далее, 31 и далее.

5. Религиозное чувство и вера

Непонимание и враждебность современной ментальности к слову «событие» отражают и то умаление, которому подвергается понятие «вера». Отказываясь из-за предубеждения рассматривать метод, избранный Богом, чтобы ответить на человеческий запрос всеобъемлющего смысла – Факт во времени и пространстве – современная ментальность смешивает «религиозное чувство» с «верой». Давайте разберемся с разницей этих двух понятий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.